

Ямсков А.Н. К вопросу о применении понятия “развитие (эволюция)” к этнокультурным и эколого-демографическим изменениям в истории человечества // Эволюция, 2008, № 4, с. 50-53.

А.Н. Ямсков

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

**К вопросу о применении понятия “развитие (эволюция)”
к этнокультурным и эколого-демографическим изменениям в истории человечества**

Говоря только о виде “*Homo sapiens*” (*Человек разумный*) и не касаясь аспектов его возникновения примерно 150-200 тыс. лет назад и последующих биологических изменений (например, дифференциации на географические расы и некоторых других анатомических трансформаций), попробуем в самом общем плане проанализировать историю изменений ряда ведущих элементов и функций культуры за указанное время. Понимая, вслед за Э.С. Маркаряном (1983), культуру как способ организации человеческой деятельности и признавая её ведущей функцией адаптацию к условиям окружающей среды (см. подробнее: Ямсков, 2004), постараемся одновременно оценить прежде всего то, как исторически менялась та часть культуры, которая выступает в качестве сферы проявления внутренней сложности и неоднородности человечества и средства его адаптации к условиям жизни на Земле.

Под поступательным развитием, или прогрессивной эволюцией, ниже понимается движение некоего явления (в данном случае рассматриваемой части культуры) от простого и/или хаотично устроенного состояния к более сложному и/или структурно организованному, что закономерно сопровождается увеличением информационного потенциала действительно развивающегося явления. Последнее, в частности, выражается в том, что по мере развития данного явления исследователям требуется всё больше информации для его адекватной характеристики. Противоположный процесс, т.е. изменение изучаемого явления от сложного и внутренне неоднородного состояния к более простому, недифференцированному и потому требующему меньше единиц информации для его столь же подробного описания, является несомненным регрессом.

Причиной, побудившей меня обратиться к данной теме, стало участие в ряде дискуссий на семинарах, проводимых А.Г. Ганжой в Институте истории естествознания и техники

РАН*. Как известно, в последнее время многие лингвисты с тревогой писали о развернувшемся ныне процессе окончательной утраты ряда языков (см., например: Вахтин, 2003). С другой стороны, ведущий отечественный этнолог С.А. Арутюнов (2000: 202) обоснованно назвал идущие ныне в мире процессы этнической ассимиляции и унификации повседневной бытовой культуры ярким и негативным проявлением нарастающей энтропии в этнокультурной сфере, "...аналогичным убыванию видового состава фауны и флоры". Однако, насколько мне известно, попыток краткой, но по возможности полной систематизации и адекватной оценки процессов, развернувшихся в последние века и десятилетия в описываемой сфере культуры, пока ещё предпринято не было. Вместе с тем, многие специалисты продолжают говорить в общем плане о продолжающемся прогрессивном развитии культуры и человечества как её носителя, просто игнорируя явно противоположные тенденции во многих важнейших областях.

Культурологические аспекты эволюции человечества. В традиционных обществах, использующих лишь биосферные источники энергии, подавляющее большинство населения (после возникновения государств и классов) либо вообще все люди проживали вне городов и входили в состав общин (будь то родовых или соседских). Члены общины совместно использовали природные ресурсы общинной освоенной территории и полностью зависели от них в плане жизнеобеспечения (продукты питания, топливо или товары для обмена), т.е. представляли собой один из структурных блоков соответствующего антропогеоценоза (Алексеев, 1984: 355-357), или, как этноэкологами принято ныне говорить, этноэкосистемы (см. подробнее: Ямсков, 2003). Размеры общин составляют от многих десятков человек у охотников и собирателей до нескольких сотен у рыболовов,

С. 50

подсечно-огневых земледельцев и скотоводов-кочевников, и максимум до нескольких тысяч у оседлых пашенных земледельцев, применяющих орошение посевов.

Следует подчеркнуть, что именно община была носителем неповторимого и далее не делимого традиционного этнографического комплекса культуры, воспроизводящегося со сменой поколений. Следовательно, максимальное культурное разнообразие человечества в самом строгом смысле слова наблюдалось тогда, когда на Земле существовало наибольшее

* Конкретным стимулом для подготовки данной работы в значительной степени стал доклад С.В. Чудова на Семинаре ИИЕТ РАН (рук. - А.Г. Ганжа) 3.XI.2004 г., с кем я начал тогда дискутировать.

количество отдельных общин. Однако возникновение современного (индустриального и постиндустриального) общества, т.е. Промышленная революция и переход части человечества на внебиосферные источники энергии (ископаемые углеводороды, затем ядерная энергетика), сопровождавшееся взрывным ростом урбанизации, разрушило общинную структуру, а вместе с ней и специфические мельчайшие особенности каждой общины в фольклоре, семейных и общественных отношениях, пище, одежде, хозяйстве, домостроительстве и обустройстве жилых помещений, и т.п. аспектах культуры.

Таким образом, реальное *культурное разнообразие* человечества достигло своего пика, по-видимому, в конце XIX - самом начале XX века, когда существовало максимальное количество общин и лишь небольшая часть населения Земли уже жила в промышленно развитых регионах с их новой и достаточно унифицированной бытовой культурой. Но по крайней мере с середины XX в. развернувшиеся процессы урбанизации стирают мельчайшие культурные различия между отдельными общинами, а также сокращают их общее число, что продолжается и ныне в большинстве стран Третьего мира.

Если же культурное разнообразие человечества оценивать только по его качественным параметрам, то тогда максимальное его развитие следует отнести к середине XX в. Именно в то время на Земле сосуществовали почти все известные адаптивные типы традиционных и современных культур - от неолитических охотников-собирателей Калахари или подсечно-огневых земледельцев нового каменного века в горах Новой Гвинеи до стран, вступивших в атомную эру. Развернувшаяся с конца XX в. глобализация весьма успешно протекает именно в социо-культурной сфере, постепенно стирая остатки культурного своеобразия большинства урбанизированных жителей планеты и начиная оказывать унифицирующее влияние на бытовую культуру многих сельских районов развивающихся стран с ещё сохранившейся общинной организацией.

Лингвистическое разнообразие человечества опять-таки было максимальным в начале XX в., когда, во-первых, ещё сохранялось большинство языков и диалектов в колониальных владениях, а во-вторых, народы метрополий тоже ещё помнили и использовали в быту естественно сложившиеся многочисленные локальные говоры и диалекты. С конца XX в. наметилось явное снижение языкового разнообразия человечества вследствие исчезновения ряда языков ассимилируемых малочисленных групп и одновременного полного перехода многих народов развитых регионов мира на литературные языки, сопровождавшегося исчезновением их диалектов и говоров. По прогнозам лингвистов, в течение XXI в. исчезнет от 50% до 90% из ныне существующих примерно 6 тысяч языков (Вахтин, 2003), а для тех, ко-

которые имеют письменность и литературную форму (всего около 100 языков), ожидается полное забвение народных говоров и диалектов с их своеобразными уникальными чертами в области лексики, фонетики и грамматики. Одновременное обогащение лексики наиболее развитых языков вследствие технического прогресса не может компенсировать этот процесс утраты языков и диалектов, к тому же при этом одно и то же понятие (например, “компьютер”) входит сразу во все языки и сопровождается забвением части слов, отражавших исчезнувшие из быта элементы традиционных культур.

Этническое разнообразие человечества, определяемое количеством осознающих своё существование этнокультурных общностей, также, вероятно, достигло максимума в начале XX в., когда уже сложились практически все новые переселенческие (например, гаитянцы или новозеландцы) и метисные (типа ямайцев или мексиканцев) этносы, но ещё не исчезли в результате ассимиляции многие коренные малочисленные народы и субэтнические группы. Вспомним, что в основе этнического самосознания лежит именно осознанное массами культурное своеобразие своего народа, т.е. возникшее в общественном сознании мнение об уникальности обобщенного образа “родной/народной культуры” (включая представления о происхождении этноса и его культурных традиций).

Из примерно 2-3 тысяч народов мира, существовавших во второй половине XX в. (Брук, 1981: 89), лишь около 300 относятся к достаточно многочисленным и в большинстве своём продолжают расти в демографическом плане, в т.ч. за счёт ассимиляции малочисленных этнокультурных групп. В ряде регионов Африки и Азии ещё не закончились этноконсолидационные процессы, т.е. формирование новых этносов из различных общин и этнокультурных общностей. То и другое, однако, означает нарастающее упрощение этнокультурного состава человечества из-за исчезновения отдельных этнических и субэтнических групп, теряющих своё особое этническое самосознание вследствие поглощения более крупными этносами.

Социо-культурное разнообразие человечества можно определить по количеству имеющихся в обществе социальных позиций и/или ролей и масштабам культурно значимых различий между ними, что и предопределяет степень зависимости судьбы конкретного человека от его социального происхождения. И в этой сфере наибольшие качественные сложность и упорядоченность были характерны для поздних

средневековых или ранних промышленно развитых обществ, а со второй половины XX они начинают снижаться. Для иллюстрации сказанного можно сравнить кастовую социальную систему индийских государств или колоний в XIX в. и ныне, или жёсткость и выраженность социальной стратификации в Британии в эти же эпохи (вспомним “Пигмалион” и сравним различия поведенческой и речевой культуры продавщиц цветов и крупной буржуазии тогда и теперь). Идущие с конца XX в. процессы диверсификации профессионального состава урбанизированной части человечества не опровергают сказанного выше, ибо различия в культуре, быту и стиле жизни между представителями этих разных городских профессий неизмеримо меньше, чем бывшие сословные или кастовые, что и доказывает столь же типичная для конца XX - начала XXI вв. социально-профессиональная мобильность населения.

Эколого-демографические аспекты эволюции человечества. Адаптивный успех любого вида определяется по динамике его численности и ареала обитания. Человек как уникальный биологический вид, благодаря культуре приобретший способность в лице различных народов или общин занимать разные экологические ниши на Земле, тем самым имеет ещё один критерий такого рода - набор освоенных экологических ниш.

Максимальный **набор одновременно занятых** различными частями человечества **экологических ниш** на Земле был характерен для первой половины - середины XX в. С тех пор практически исчезли либо радикально трансформировались вследствие проникновения товарно-денежных отношений и поставок извне продовольствия, орудий труда и охоты, моторизованных транспортных средств экологические ниши охотников-собирателей аридных тропиков и влажных тропических лесов, морских охотников Субарктики и Арктики, таежных охотников и рыболовов. В силу тех же причин на наших глазах постепенно исчезают и ниши, занятые кочевыми скотоводами аридных тропиков и субтропиков, степей и полупустынь умеренного пояса или кочевыми оленеводами тундры, подсечно-огневыми мотыжными земледельцами тропических лесов.

Несомненно, это означает начавшееся впервые в истории обеднение суммарного адаптивного потенциала человечества, ведь ранее постоянно возникали культуры, способные освоить новые экологические ниши, но при этом где-то в иных регионах Земли сохранялись и все прежние, ранее занятые ниши и соответствующие культурные традиции. Иными словами, ныне происходит отмеченное С.А. Арутюновым нарушение того, что он называет “одним из наиболее общих законов культурной эволюции: как правило, появление новой модели в системе жизнеобеспечения или производства не отменяет старых форм, а лишь сдвигает их в какую-то ограниченную область применения” (Арутюнов, 2000: 201-203).

Особых слов заслуживает экологическая ниша современного общества - она принципиально отличается своим сугубо временным характером, ибо в ней человек основные энергетические и вещественные потребности стал удовлетворять за счёт невозобновимых природных ресурсов. Следовательно, в перспективе неминуем этап исчерпания этих ресурсов и “закрытия” данной ниши со всеми трагическими последствиями для этой части человечества. Кроме того, изъятие из земных недр и использование на поверхности Земли огромных объёмов энергии и вещества означает неизбежное нарушение круговоротов веществ и потоков энергии в экосистемах Земли, т.е. их дестабилизацию вследствие загрязнения окружающей среды. Таким образом, занятие данной ниши если и можно позитивно расценивать и считать стадией развития человечества, то в лучшем случае только в качестве некоего временного этапа на пути к совсем иному, пока неясному типу взаимодействия общества и природы (Ямсков, 2002).

Ареал обитания человечества достиг максимума ещё в неолите, ведь в данном случае экологами имеется в виду заселённая и/или используемая для получения природных ресурсов территория. Поэтому ни произошедшее в XX в. основание полярных станций в Арктике и Антарктике, ни выход в Космос и проникновение на другие космические тела не могут пока считаться их освоением в строгом смысле слова.

Динамика численности человечества, рассмотренная с социально-экологических позиций, также подводит к выводу о том, что культура как способ организации человеческой жизни, включая и воспроизводство последней, уже прошла пик своего развития. Напомню, что рост численности населения шёл неравномерно, и периоды ускорения этого процесса, т.е. “демографические взрывы”, были связаны с (1) выходом охотников-собирателей за пределы африканской прародины и освоением ими новых пространств, (2) переходом к производящему оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству (Неолитическая революция, примерно 10 тыс. лет назад), (3) началом использования ископаемого топлива, массового промышленного производства и урбанизации, что сопровождалось появлением научной медицины и санитарно-гигиеническим обустройством городов (Промышленная революция, с XVIII в. в Европе). Иными словами, именно освоение новых пространственных или ресурсных экологических ниш сопровождалось ускоренным ростом той части человечества, которая смогла выработать требуемую для этого новую культуру. Но идущий ныне в Африке, южной части Азии и, отчасти, в Латинской Америке демографический взрыв принципиально отличается от предшествовавших тем, что соответствующие общества не привнесли ничего нового в свои культуры, определяющие их взаимодействие с природой.

демографічний вибух другої половини ХХ - початку ХХІ вв., пов'язані не з саморозвитком цих суспільств, а перш за все з прямим або косовим впливом ззовні. Промислово розвинені держави надають їм постійну допомогу в формі (а) продовольственої допомоги в випадках голоду через стихійних лих і неурожаїв, (б) медичної допомоги (підготовка або командировання спеціалістів, передача лікарських препаратів і обладнання) в випадках зростання смертності від епідемій. Крім того, колишні метрополії насадили в колоніях (в) систему поліцейського нагляду і судів, що припинило локальні зіткнення і загибель в них людей. Результатом цих трьох типів зовнішніх впливів, суттєво знизивши смертність від голоду, хвороб, міжособистісних і міжобласних конфліктів, і став вибуховим ріст населення при збереженні старих форм використання природних ресурсів і соціальної організації. Отже, цей четвертий в історії людства демографічний вибух є свого роду "штучним", а тому і не свідчить про подальший розвиток адаптивних можливостей культури відповідних суспільств.

Одночасно в кінці ХХ в. наметилися тенденції депопуляції в практично всіх найбільш розвинених країнах Європи і Азії, т.е. культура сучасних індустріальних і постіндустріальних суспільств, як виявилось, не здатна навіть підтримувати постійну чисельність населення. Но почався природна зменшення населення, з точки зору екології, означає явне проявлення дезадаптації, або регресу.

Резюмуючи сказане, доводиться визнати, що культура людства, розглядавана як спосіб організації життя людей, освоєння ними Землі і виробництва населення при зміні поколінь, вже пройшла пік свого розвитку, якщо останнє оцінювати за основними соціо-культурними і еколого-демографічними критеріями.

Правда, одночасно існують очевидні сфери продовжуються і все більш прискорюються прогресу культури - наукові знання про світ, виробництво во всіх його проявах і відповідна економічна інфраструктура, засоби комунікації і збереження інформації. Однак це та частина культури, яка є перш за все овецьований або іншим чином зафіксованим результатом праці людини і до певної ступеня відчужена від нього як біосоціального істоти. Часто її і позначають як тех-

носферу, а ведь выше речь шла о различных аспектах и стадиях развития и регрессивного изменения антропосферы как совокупности людей - носителей различных культурных традиций, объединённых в общества, народы и государства. В перспективе же техносфера вполне может развиваться далее благодаря искусственному интеллекту и, следовательно, существовать без человека* (см. также: Бодякин, 2003), что ставит непростой вопрос о будущем антропосферы и вида "Homo sapiens".

Литература:

1. Алексеев В.П. Генезис антропогеоценозов // Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984, с. 348-383.
2. Арутюнов С.А. Адаптивное значение культурного полиморфизма // Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Lewiston - Queenston - Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000, с. 189-217.
3. Бодякин В.И. Эволюционные этапы развития земной цивилизации и современный этап ноосферы // Эволюция, 2003, № 1, с. 101-106.
4. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, 880 с.
5. Вахтин Н. Живые или мёртвые? Какое будущее ждёт языки малочисленных народов России (в изложении И. Горюнова) // Поиск, 31 октября 2003 г. (№ 44-45), с. 19.
6. Маркарян Э.С. К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей системы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. Ереван: изд. АН АрмССР, 1983, с. 17-19.
7. Ямсков А.Н. История человечества как процесс освоения экологических ниш: что впереди? // Материалы научной конференции "От истории природы к истории общества: прошлое в настоящем и будущем", секция "История взаимодействия природы и общества". Ред.: Ганжа А.Г. (гл. ред.), Дёгтева О.В., Королёв А.Д., Малето Е.И., Тугаринов И.А., Чумаков А.Н. М.: Российское философское общество, 2002, с. 18-20.
8. Ямсков А.Н. История развития концепции этноэкосистемы в отечественной этноэкологии и характеристики её структурных блоков // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Вып. 2. Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: изд. ИПОС СО РАН, 2003, с. 271-273.
9. Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова Ред.: Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н. М.: Старый сад, 2004, с. 39-60.

С. 53

* Именно к этому выводу пришли и некоторые участники упомянутой выше дискуссии на семинаре в ИИЕТ РАН 3.XI.2004 г., например, В.В. Саночкин и автор этих строк.